

Т. А. Воронина

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПОСТА (XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

ВВЕДЕНИЕ

Историко-этнографическое исследование православного поста предполагает выявление органичной связи традиций духовной и материальной культуры в их историческом развитии во всех сферах жизни русских. Религиозно-нравственные аспекты поста отчасти были рассмотрены в первой части статьи, на примере подготовки к посту, досуга и развлечений, круга чтения и т.д.² Во второй части статьи будет рассмотрено влияние поста на брачно-семейные отношения, соблюдение личных и общественных постов, паломническую практику. Надо полагать, что это даст возможность шире раскрыть историческую роль поста в жизни русских в рамках проблем взаимодействия нравственности и религиозности в народной культуре.

Степень изученности. Что касается изученности роли поста в семейной и общественной сфере, то следует указать известные работы М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» и «Мир русской деревни»³. Соблюдение поста было характерно и для русских крестьян Зауралья, о чем сообщают в своих работах Н.А. Миненко⁴. И.А. Кремлева посвятила отдельную работу постам по обету по понедельникам, после соборования и в другие дни,

однако, как она справедливо отмечает, «трудно установить четкую границу между обетами и другими формами воздержания»⁵. О женщинах-подвижницах – «черничках» писала Л.А. Тульцева⁶. Эти и другие работы отечественных исследователей помогают понять сущность практики воздержания в целом. Вместе с тем имеется достаточно материалов, чтобы шире раскрыть роль поста в жизни русского народа. Поэтому была поставлена конкретная задача рассмотреть, как время поста влияло на брачно-семейные отношения, какие дополнительные (личные) посты налагали на себя и каким образом это было связано с обетами. Важно также указать на общественные посты, которые было принято соблюдать в воспоминание о бедствиях в прошлом. Отдельно необходимо рассмотреть традицию совершать паломничество к ближним и дальним святыням во время поста, определить подвижников в миру.

Источники. Немало сведений о религиозно-нравственных аспектах поста имеется в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (Тенишевское бюро), созданного в 1890-е годы в Санкт-Петербурге. Они находятся в архиве Российского этнографического музея

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00455).

² Воронина Т.А. Религиозно-нравственные аспекты поста (XIX – начало XX в.) // Традиции и современность. 2015. № 17. С. 76–98.

³ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Она же*. Мир русской деревни. М., 1991.

⁴ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1989; *Она же*. Культура русских крестьян Зауралья: XVIII – первая половина XIX в. М., 1991.

⁵ Кремлева И.А. Обеты в религиозной жизни русского народа // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2. С. 129.

⁶ Тульцева Л.А. Сельское черничество как путь религиозного служения Богу и миру (конец XIX – XX век) // Россия в духовных поисках современного мира: Материалы Второй Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России» (29 сентября – 1 октября 2005 г., Москва–Дивеево) / отв. ред. Т.А. Воронина. Нижний Новгород, 2006. С. 209.

и содержат ответы корреспондентов из разных губерний на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России». О традиции соблюдать пост перед таинством венчания, о воздержании от супружеских отношений после соборования сообщали К. Набреков, Д.К. Зеленин. О личном посте по понедельникам и пятницам писали П. Катонов, Т.Ф. Иванов, Д.К. Зеленин, Л. Гребнев и др. О почитании двенадцати и девяти пятниц сообщали А. Аристархов, Т.Ф. Иванов и И. Шадрин. Корреспонденты Тенишевского бюро зафиксировали традицию соблюдения общественных постов в воспоминание каких-либо бедствий в прошлом. О хождении по святым местам во время поста писали П. Каманин, Т.Ф. Иванов и др.

Важным источником информации о религиозно-нравственных аспектах поста могут служить «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX веков», часть которых была опубликована в многотомном издании Оптиної пустыни. Многие из них не были канонизированы, однако их подвижническая жизнь была и остается примером для подражания совершенным ими подвигу поста и молитвы. Как справедливо отмечает М.М. Громыко, жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия XIX в. могут служить важным источником для изучения массового религиозного сознания русского народа⁷. Подвиги постничества впоследствии стали опорой для следующего поколения подвижников XX в., оказавшихся в условиях преследования верующих⁸.

Периодика составляет еще одну группу источников. Часть материалов о нравственных аспектах поста была опубликована корреспондентами журнала «Этнографическое обозрение» – издания Этнографического отделения Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ОЛЕАЭ, 1889–1916). Среди них можно отметить тех, кто писал о соотношении времени поста и венчания, о постах в понедельник и пятницу, о подвижниках в народной среде – А.В. Балова, А.Д. Неуступова, И. Костоловского, В.Н. Бондаренко, Г.К. Завойко, Н. Мендельсона. Об общественном посте по случаю поминок сообщал Г.И. Куликовский. В одном из выпусков «Известий ОЛЕАЭ» были опубликованы списки «О почитании пятниц

больших в году», обнаруженные в Вологодской губ. Н.А. Иваницким.

Ряд статей на тему исследования имеется в журнале «Живая старина». Так, В.П. Милорадович писал о запретах супружеских отношений по пятницам, А.В. Балов – о распространенной среди молодых девушек практики особого поста в дни памяти великомученицы Екатерины и святого апостола Андрея Первозванного. В журнале «Этнографический сборник» о почитании постом особых пятниц писали П.И. Гундобин, И. Глушков сообщал о почитании «пятниц» в г. Котельниче. Сведения о соблюдении личных постов в понедельник и пятницу можно встретить в «Ярославских губернских ведомостях», «Олонецких губернских ведомостях» и «Олонецких епархиальных ведомостях».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Временное воздержание от супружеских связей

Время поста отражалось и на брачно-семейных отношениях. Это касалось венчания и временного воздержания от супружеских связей. Подобная практика была распространена и в Древней Руси. Еще в «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дщерем» было сказано: «Кто смесится с женою в пятницу и в субботу и в неделю, да еще зачнет, и будет тать, или разбойник, или блудник»⁹.

Статья В.Ю. Лещенко, посвященная церковным уставам о постах в древнерусской среде, с одной стороны, дает представление о религиозной практике воздержания от пищи и поведении верующих. С другой стороны, он считает, что именно «жестокость и суворость пищевых ограничений» в дни поста привлекала внимание иностранных путешественников XVI–XVII вв. Предписания духовенства он рассматривает как средство манипулирования духовенства верующими. Трудно согласиться и с выводом В.Ю. Лещенко о том, что церковь насилием вторглась в интимный мир древнерусского человека, регламентируя брачно-семейные отношения¹⁰.

Согласно церковному уставу, браковенчание не совершается накануне среды и пятницы (в течение всего года), в продолжение Великого, Петрова, Успенского и Рождественского постов, нака-

⁷ Громыко М.М. Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия XIX в. как источник для изучения массового религиозного сознания // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2000. № 8. С. 45–56.

⁸ Громыко М.М. Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века (Период гонений на веру и Церковь). М., 2015.

⁹ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. В 2-х т. СПб., 1863. Т. 2. С. 302–303.

¹⁰ Лещенко В.Ю. Церковные уставы о постах и нравах в древнерусской среде // Православие в Древней Руси: Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 85–92.

нуне и в дни памяти Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, Воздвижения Креста Господня и другие известные дни.

Между прочим, Григорий Отрепьев, прозванный Лжедмитрием, очень подорвал свой авторитет тем, что венчался в четверг, да еще накануне дня святителя Николая. Так и в народной песне, оставшейся с тех времен, вспоминалось, как народ возмутило, что «а свадьба та была под пятницу, а в пятницу был Николин день».

В XIX – начале XX в. наибольшее число браков совершалось зимой, в январе-феврале, и осенью, в октябре-ноябре. В летнее время число браков заметно уменьшалось, а во время постов браки вообще не совершались. По заключению Г.В. Жирновой, «на общее распределение браков, с одной стороны, оказывала влияние глубокая бытовая традиция, связанная с особенностями хозяйственной, трудовой жизни русского народа, с другой – церковные установления, посты, особенно такие длительные, как Великий и Рождественский». На масленицу не венчались, так как в народе считали, что в это время появлялось много «лихих» людей (колдунов), по этому поводу бытования поговорка: «На масленицу жениться – с бедой породниться». Свадьбы приурочивали чаще к осенним и зимним мясоедам, осенний мясоед начинался с Успения (15 августа) и продолжался до начала Рождественского поста (14 ноября). Впрочем, крестьяне чаще играли свадьбы с Покрова дня (1 октября), когда завершались все основные полевые работы. Зимний мясоед начинался с Рождества (25 декабря) и продолжался до масленицы. В летнее время свадьбыправляли с Красной горки (первое воскресенье после Пасхи) и до Троицы, после которой через неделю начинался Петров пост. С Петрова дня (29 июня) до «Спасовок» (1 августа) шел второй летний мясоед, когда можно было спрашивать свадьбы, а после Успенского поста вновь следовал осенний мясоед¹¹.

В народной среде старались следовать предписаниям церкви. Например, А.Д. Неуступов писал, что в Васильевской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. свадьбы совершались в Рождественский мясоед, отчасти сразу же и после Пасхи (на Красную горку). Смотр «женихова места», включавший осмотр избы и знакомство с родственниками, а также другие дни досвадебного периода

старались приурочить к скоромному дню¹².

Среди крестьян было распространено временное воздержание от супружеских отношений в дни поста, особенно Великого, так как, по народному мнению, нарушение поста могло отрицательно сказаться на потомстве. Напоминанием об этом служило одно из посланий апостола Павла в наиздание супругам: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 5).

До свадьбы было принято соблюдать пост. И. Костоловский, исследуя свадебные обряды крестьян в 1901 г., отмечал, что в Еремеевской вол. Рыбинского у. Ярославской губ. до венчания как жених и невеста, так и их родители соблюдали строгий пост¹³. Эту традицию наблюдал и корреспондент Тенишевского бюро К. Набреков в Муромском у. Владимирской губ.: «Достойно примечания то, что не только жених и невеста, но и родители их не вкушают пищи до совершения брака»¹⁴. В.Н. Бондаренко сообщал о том, что в Кирсановском у. Тамбовской губ. брачные отношения даже запрещались до истечения трех дней после свадьбы, но не многие молодые выполняли это правило трехдневного воздержания¹⁵.

В народе считали, что с наступлением постных дней мужу и жене необходимо было воздерживаться от интимных связей, нарушение же запрета приводило к рождению больных и слабых детей. Надо полагать, что этой традиции старались придерживаться многие крестьяне. По-видимому, угроза рождения нездоровых детей заставляла их временно избегать интимных связей. Сведений об этом существует не так уж много, но, тем не менее, в статье В. Степанова сообщалось о распространенном среди жителей Клинского у. Московской губ. поверье о том, что дети, зачатые под праздник, обязательно будут иметь какие-либо физические и нравственные недостатки. Однако в начале XX в. наметился отход от церковных установлений, к чему пожилые люди относились отрицательно: «По уверениям некоторых стариков, за последние годы народ до такой степени позабыл Бога, что не разбирает, в какие дни можно спать с женой, в какие нельзя, и потому Бог посыпает детей непослушных, своевольных, ведущих жизнь

¹¹ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 26–28.

¹² Неуступов А.Д. Крестьянская свадьба Васильевской волости // ЭО. 1903. № 1. Кн. 56. С. 53.

¹³ Костоловский И.В. Некоторые обряды, приметы и поверья крестьян Еремеевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии // ЭО. 1901. № 3. Кн. 50. С. 131.

¹⁴ Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1880. Л. 8. Д. 1880. Л. 8 об.

¹⁵ Бондаренко В.Н. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // ЭО. 1890. № 4. Кн. 7. С. 3, 10.

к погибели». В деревенской среде нарушение этого правила было более очевидно, так как по дате рождения детей могли определить время их зачатия, которое могло приходиться на запретные дни. В нарушении подобного запрета находили объяснение многим болезням, от которых по непонятным для родителей причинам страдали дети.

Подтверждением традиции воздерживаться от супружеских отношений служит довольно распространенное и подобное воздержание в день Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта), празднование которого нередко приходится на Великий пост. Не случайно, в народе бытова-ла известная поговорка: «На Благовещение дева косы не плетет, а птица гнезда не вьет», т.е. считалось, что даже птенцы, зачатые в этот праздни-к, не выживают.

Корреспондент Тенишевского бюро Д.К. Зеленин сообщал из Сарапульского у., что многие пожилые люди после соборования даже прерывали супружеские отношения¹⁶.

В народе выкидыши считали наказанием Божиим. Будучи в 1899 г. в Порховском у. Псковской губ. (с. Пажеревицы), корреспондент Тенишевского бюро П.Н. Куницын отмечал, что местные крестьяне считали, что такое могло случиться из-за грехов матери: либо она спала с мужем под праздник и не соблюдала посты, либо нерадиво молилась в церкви¹⁷.

Запреты иметь супружеские отношения по пятницам нашли отражение в духовных стихах. Вот что говорилось в одном из них, записанном В.П. Милорадовичем в Лубенском у. Полтавской губ. в 1888–1895 гг.: «Кто эти пятницы не станет постить // И постом и молитвами, // Ежели во се-те пятницы // Муж жене приближен будет, // Зародится от них детище недоброе, // Либо вор, либо плут, либо пьяница, // Клеветник, еретник, или душем пагубник»¹⁸.

В Меленковском у. Владимирской губ. среда и пятница как постные дни также считались запретными в отношении интимных отношений между супружами¹⁹.

Г.К. Завойко писал, что один из пожилых крестьян д. Лужки Вязниковского у., который был

дважды женат, но остался вдовцом, в откровенной беседе с ним поведал, что он лет до пятидесяти «наблюдал» каждую пятницу, среду и воскресные дни, т.е. «пребывал в чистоте». Признание крестьянина относительно ограничения супружеских отношений, однако, нельзя считать общим правилом, как отмечал Г.К. Завойко, так как в народе это часто нарушали. Для выражения интимных отношений крестьяне говорили деликатно, напри-мер, «куру пестрить». Соблюдая запретные дни, они считали, что «пока в колокол не ударят, куру пестрить грех»²⁰.

2. Дополнительные посты в понедельник, пятницу и другие дни

Источники показывают, что помимо обычных многодневных и однодневных постов, соблюдае-мых по церковному уставу, крестьяне постились дополнительно по личной инициативе в понедельник. Нередко это было связано с принятием каких-либо обетов. По материалам Тенишевского бюро, в Медынском у. Калужской губ. многие по-жилые люди, начиная с 50 лет, давали обет ради прощения их грехов «понедельничать», т.е. соблюдать пост в понедельник и не есть мяса. По сообщению корреспондента Тенишевского бюро, «понедельничали» также повитухи – пожилые женщины, принимавшие роды у односельчан. В их среде считалось, что это будет способствовать улучшению профессиональных навыков: «при родах рука будет легче». Когда одна повитуха, долгое время практиковавшая во всей здешней округе, забылась и съела при людях скромное в понедельник, то ее перестали приглашать на роды и вскоре она совсем лишилась практики²¹.

Некоторые матери, чтобы не умирали вновь рождающиеся дети, давали обет есть постную пищу по понедельникам и в обычные скромные дни²².

В Мещевском у. Калужской губ., не довольствуясь постами, установленными церковным уставом, из нравственных побуждений почти все по-жилые женщины после 50 лет «понедельничали», т.е. если постное по понедельникам, за исключением сплошных, или всеядных недель²³. В Меленковском у. Владимирской губ., кроме установленных церковью постных дней, некоторые из крестьян

¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 441. Л. 5.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1411. Л. 9–10.

¹⁸ Милорадович В.П. Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губернии, записанные в 1888–1895 гг. Харьков, 1897 // Живая старина (далее – ЖС). СПб., 1899. Вып. 3–4. С. 464–465.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.

²⁰ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. № 3-4. Кн. 103–104. С. 161–162.

²¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 540. Л. 5.

²² Там же. Оп. 1. Д. 540. Л. 4 об.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 548. Л. 39.

также соблюдали пост по понедельникам — «понедельничали»²⁴. Корреспондент Тенишевского бюро И. Щеглов писал, что местные женщины ограничивали себя в определенной пище: «Иные дают зарок не есть мяса, не едят картофель и твердо держат свое слово»²⁵. Корреспондент ОЛЕАЭ Г.К. Завойко писал, что некоторые здешние старухи и девушки, «понедельничая», не ели в этот день никакой скромной пищи²⁶.

А.В. Балов писал, что в Пошехонском у. Ярославской губ. некоторые пожилые женщины, кроме постов, установленных церковью, «держатся обычая поститься по понедельникам, или понедельничают»²⁷. В Псковской губ. старухи соблюдали пост по понедельникам или же совсем не ели скромного²⁸. В Двинской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. тоже был известен обычай «понедельничать» в течение всего 40-дневного Великого поста. Это означало, что по понедельникам Великого поста верующие не ели ничего и пили только воду²⁹. Некоторые женщины Елатомского у. Тамбовской губ. по понедельникам не ели скромной пищи с религиозной целью — «понедельничали»³⁰.

Митрополит Вениамин (Федченков), выходец из крестьян Кирсановского у. Тамбовской губ., в своей книге «На рубеже двух эпох» оставил воспоминания и о своей матери. Автор вступительной статьи А.К. Светозарский писал: «Со страниц воспоминаний митрополита Вениамина Наталья Николаевна предстает русской праведницей, труженицей, матерью, посвятившей детям всю свою жизнь. Воспитание детей было для нее подвигом, подвигом в значении ежедневного делания, смиренного прохождения жизненного поприща. К труду естественным образом присоединялась молитва, к молитве — пост. Наталья Николаевна всю

свою жизнь «понедельничала за детей», то есть соблюдала благочестивый обычай: кроме установленных Церковью еженедельных постных дней среды и пятницы — она постилась еще в понедельник. И так всю жизнь»³¹.

Корреспондент Тенишевского бюро П. Катонов в 1899 г. отмечал, что многие крестьяне с. Базарные Дубровки Краснослободского у. Пензенской губ., кроме установленных церковью постов, постились добровольно — «понедельничали», а также не ели мясного, не пили вина³².

Некоторые крестьяне с. Три Озера Казанской губ., как отмечал корреспондент Тенишевского бюро Т.Ф. Иванов, соблюдали пост в понедельник по давно установленному здесь обычай: «по преданию стариков, грехом считалось есть скромную пищу». О том, что этот обычай воздерживаться в известные дни от пищи с религиозной целью существовал давно, говорит и то, верующие ссылались на давность этого обычая и на то, что старые люди всегда постились в этот день³³. Корреспондент Тенишевского бюро Д.К. Зеленин сообщал из Сарапульского у., что кроме уставных постов крестьяне, «особливо старухи, понедельничают», что означало есть постное во все понедельники в году. Ели постное и в Михайлов день (9 ноября), чтобы угодить Архангелу Михаилу. Наиболее набожные из уральских крестьян также не ели мяса и «молошного» по понедельникам³⁴.

В крестьянской среде, помимо еженедельного обычного поста по церковному уставу в пятницу, когда вспоминается предание Иисуса Христа на казнь, соблюдался дополнительный пост по некоторым пятницам³⁵. По поводу традиции «пятничать» существует обширная библиография³⁶. В народе особо почитались 12 пятниц перед главными годовыми праздниками³⁷. В России «сказания

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

²⁶ Завойко Г.К. Указ. соч. С. 115.

²⁷ Балов А.В. Понедельничанье // Ярославские губернские ведомости (далее — ЯГВ). 1895. № 181.

²⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1411. Л. 33.

²⁹ Государственный архив Вологодской обл. (далее — ГАВО). Ф. 4389. Оп. 1. Д. 737. Л. 5.

³⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Оп. 2. Д. 2035. Л. 14.

³¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 3.

³² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1898. Л. 3–34.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 467. Л. 30–31.

³⁴ Голикова С.В. Пища // Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 114.

³⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 441. Л. 15.

³⁶ См., напр.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. Т. 1. С. 231–242; Максимов С.В. Собр. соч. в 20-ти т. СПб., (б.г.). Т. 15. С. 74–96; Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916. С. 576; Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 6. С. 326–327; Львовский А. Пятница в жизни русского народа // Живописная Россия. 1902. Т. 2; Порфирьев И. О почитании среды и пятницы в древнем русском народе // Православный собеседник. 1859. № 1 и др.

³⁷ Воронина Т.А. Практика поста в «сказаниях о 12-ти пятницах» (XIX — начало XX в.) // Россия и современный мир. 2011. № 1. С. 163–171.

о 12 пятницах» дошли в очень поздних списках, испытав на себе влияние местных традиций. Эти пятницы получили название «временные», или «именные». Они были распространены еще в XI в. В духовных стихах, распеваемых «каликами перехожими», предлагалось почитать пятницы «святым постом и молитвою, верою и любовию, кротостию и смирением», в пятницы «быть в посте и молитве, доброю совестию и чистым сердцем». К молитве в стихах прибавляли земные поклоны и милостыню «незаговорную» (без оговорок) и «незаклеветанную». В этих же духовных стихах говорилось, что за несоблюдение пятниц в посте и воздержании нарушителю следовало наказание³⁸.

По сообщениям, поступившим в Тенишевское бюро, пятницы почитались в Калужском у. Калужской губ.³⁹ В Козельском у. женщина, которая занималась прядением по пятницам, даже подвергалась штрафу. О ней говорили так: «Пятницу не пожалела — глаза выколола»⁴⁰. А.В. Балов писал, что крестьяне Ярославской губ. также держали усиленный пост по пятницам⁴¹. В Пензенской губ. многие считали пятницу, также как понедельник и среду, «тяжелыми» днями, поэтому в эти дни не начинали никакого дела, например, не пряли по пятницам, иначе можно «пылью и кастригой насорить глазки мученице Прасковее»⁴².

Корреспондент Тенишевского бюро Д.К. Зеленин сообщал из Сарапульского у., что некоторые пожилые женщины «пятничали», что означало не есть совсем до заката солнца в 12 «больших» пятниц в году, перед большими праздниками⁴³. У уральских крестьян существовали запреты и для определенных дней недели, например, многие ста-рухи не пряли по пятницам⁴⁴.

«Временные» пятницы почитались в Шуйском у. Владимирской губ., особо строго постились

женщины⁴⁵. Корреспондент Тенишевского бюро Л. Гребнев сообщал в 1898 г., что в Орловском у. Вятской губ. среди праздничных дней, которые обязательно отмечали, почитали постом, например, канун заговения на Петров пост, 12 пятниц и особенно Ильинскую пятницу⁴⁶. По сообщению А.В. Балова, праздник св. Параскевы («Пятницы») (28 октября) был распространен в народе весьма сильно. Почиталась также «Девятая» пятница — девятая по счету после Пасхи, которую праздновали в селах как храмовый праздник⁴⁷. 12 пятниц соблюдали в Псковской губ.,⁴⁸ в Макарьевском у. Нижегородской губ.⁴⁹

Два списка «О почитании пятниц больших в году» были обнаружены в Вологодской губ. Н.А. Иваницким⁵⁰. Широкое бытование рукописных списков о почитании двенадцати и девяти пятниц в Вологодской губ. в 1890-е годы отмечали корреспонденты Тенишевского бюро. Так, А. Аристархов отметил, что в Вологодском у. «Сказание о пятницах двенадцати, в которые, если будет человек поститься, то спасется», продавали владимирские разносчики. По наблюдению И. Шадрина, в Кадниковском у. «Сказание о девяти пятницах» имели даже неграмотные крестьяне. В Тотемском у. в Верховье девятую пятницу — «девятые» (девятая Пятница после дня Святой Троицы) праздновали особо: к этому дню варили пиво, как и на Богородицын день (20 сентября). «Девятая» упоминается в свадебных причетах невесты: «Схожо красное солнышко, да мой кормилицы ты, батюшко! По какому же празднику варишь пива-то пьяново? Ведь прошла же Девятая, далеко до Миколина», или: «Богородицын день прошел, далеко до девятые»⁵¹. Пост по девяти обетным пятницам соблюдался с целью предотвращения засухи, неурожая, падежа скота, появления на хлебе злаковых червей, тяжких болезней⁵².

³⁸ Архив Петербургского отделения РАН. Ф. 849. Оп. 1. Д. 305. Л. 87 об.; Бессонов П. Калики перехожие. М., 1861–1864. Вып. 4 (стихи 583, 584, 586, 589).

³⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 520. Л. 33.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 529. Л. 4 об.

⁴¹ Балов А.В. Очерки Пощеконья. Верования // ЭО. 1901. № 4. Кн. 51. С. 122–123.

⁴² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1898. Л. 27.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 441. Л. 15.

⁴⁴ Традиционная культура русского крестьянства Урала... С. 94.

⁴⁵ Гундобин П.И. Черты религиозности // Этнографический сборник (далее – ЭС). СПб., 1862. Вып. V. С. 44–48; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–6.

⁴⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 433. Л. 4, 7, 9.

⁴⁷ Балов А.В. Праздники и пятницы в Пощеконском уезде // ЯГВ. 1895. № 128.

⁴⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1411. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 668. Л. 6.

⁵⁰ Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия ОЛЕАЭ. Т. XIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. М., 1890. С. 144.

⁵¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 123. Л. 17, 19; Д. 274. Л. 2; Балашов Д. М., Марченко Ю. М., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтиге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 45.

⁵² Калинский И. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1877. Т. 7. С. 311; Веселовский А. Опыты по истории... С. 366.

В Тамбовской губ. также бытовало апокрифическое сказание о двенадцати пятницах. Особен-но соблюдали пост в девятую пятницу накануне праздника Усекновения главы св. пророка Иоанна Предтечи. Считалось, что «кто станет эту пятницу поститься постом и молитвою, от бессонной главной болезни сохранен будет и помилован от Бога»⁵³. В распространенной в Рязанской губ. рукописи «Поучение, иже во святых отца нашего Климента, папы Рымского о дванадесятницах» говорилось, что пост в десятую Пятницу – перед днем арх. Михаила способствует перенесению души через огневую реку⁵⁴. В Инсарском у. Пензенской губ. в пятничные дни люди ничего не ели вплоть до захода солнца⁵⁵.

Соблюдение личных постов было связано с особым почитанием святых. Это почитание относилось к св. Иоанну Крестителю, по церковному уставу в день его памяти (29 августа) соблюдали строгий пост. В Мещевском у. Калужской губ., впрочем, как и по всей России, его называли «Иванов день», или «Иван Постный». Однако в сельской среде бытования традиция поститься дольше этого дня. Так, в Зарайском у. Рязанской губ., как писал В.В. Селиванов, многие набожные женщины за неделю до 29 августа налагали на себя произвольный пост, а в день праздника не ели ничего шарообразного, а иные «не разгавливались» с Успенского поста вплоть до дня праздника⁵⁶.

А.В. Балов отмечал, что в Ярославской губ. в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, по народному обычаю, запрещалось есть все овощи, имеющие шаровидную форму, например, капусту, репу, картофель и т.п.⁵⁷ В Пензенской губ., где особенно почитали святого, крестьяне постились от Успения до дня его памяти, т.е. с 15 до 29 августа⁵⁸. В Медынском у. Калужской губ., где

все посты соблюдали строго, в Иванов день ничего не ели⁵⁹. На Урале крестьяне за неделю до Иванова дня не ели даже постные блюда, в частности из капусты⁶⁰. Кстати, у некоторых крестьян запрещалось заниматься рукоделием в другой день памяти святого апостола Иоанна Богослова (13 ноября)⁶¹. Корреспондент Тенишевского бюро Д.К. Зеленин сообщал из Сарапульского у., что кроме уставных постов крестьяне, «особливо старухи», соблюдали пост в Ивановскую неделю⁶².

Многие верующие соблюдали посты в некоторые памятные дни церковного календаря. Во многих губерниях России соблюдали пост в день памяти св. Прокопия Устюжского, Устюжского чудотворца (8 июля). Его почитание было особенно распространено на Русском Севере⁶³ и в Пермской губ.⁶⁴ Жители Вологодской губ. не разговлялись и продолжали поститься после Петрова дня (29 июня) до праздника св. Прокопия⁶⁵. Так же поступали и крестьяне Кадниковского у.⁶⁶

В ряду небесных покровителей особым почитанием выделялся святой пророк Илия. В Вологодской губ. многие женщины держали недельный пост до дня празднования святого пророка Илии (20 июля), особенно в тех селах, где были построены храмы в его честь⁶⁷. В Ильин день считалось грехом работать. В некоторых губерниях крестьяне устанавливали общественные приговоры-штрафы с целью воспретить любую работу в этот день. В Калужской губ., например, и в уезде у крестьян, отправившихся в день праздника на сенокос, отбирали хомут с лошади. В Меленковском у. Владимирской губ. за работу в праздник подвергали «срыву» – запрету на вино. Многие крестьяне Вятской губ. постились всю Ильинскую неделю, но особо строгий пост соблюдали в Ильинскую пятницу. В Зубцовском у. Тверской губ., по со-

⁵³ Можаровский А.Л. Отголоски старины и народности. Тамбов, 1903. С. 35.

⁵⁴ Максимов С.В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Максимов С.В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 363; Народные поверья и обычай в г. Касимове и его уезде // / Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления. Рязань, 1888. № 2. С. 54.

⁵⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1314. Л. 19.

⁵⁶ Селиванов В.В. Годруссского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии // / Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 76.

⁵⁷ Балов А.В. Очерки Пощехонья. Верования. С. 122–123.

⁵⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1898. Л. 44.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Д. 540. Л. 5.

⁶⁰ Голикова С.В. Указ. соч. С. 114.

⁶¹ Традиционная культура русского крестьянства Урала... С. 94.

⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 441. Л. 16.

⁶³ Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 167.

⁶⁴ Чагин Г.Н. Духовная символика деревянных храмов Чердыни XVI – начала XVIII в. // Православие в русской народной культуре. Чердынь, 2001. С. 10–11.

⁶⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1888. Л. 5.

⁶⁶ Шляпин В. Житие праведного Прокопия, Устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб., 1903; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 231. Л. 7; Д. 339. Л. 43.

⁶⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1888. Л. 6.

общению корреспондента Тенишевского бюро, работа в Ильинскую пятницу считалась совершенно недопустимой. Запрещалось справлять даже помочи, несмотря даже на то, что «народ смотрит на них как на дела помохи ближним». В Пошехонском у. Ярославской губ. Ильинская пятница чествовалась наравне с престольными праздниками, а в Пятницком погосте Белосельской вол. – пятницы Ильинская, «Девятая» и «Десятая». В близлежащем с. Ильинском, «что в Лугах», празднование Ильинской пятницы велось «с давних пор». В с. Федоркове Пошехонского у. «Девятая» пятница отмечалась как престольный праздник. Во всех храмах этих сел находились иконы святой Параскевы Пятницы. В с. Ильинском, с. Федоркове и Пятницком погосте особо почитались посвященные ей родники⁶⁸.

Молодые девушки соблюдали строгий пост (весь день не пили и не ели) в день памяти великомученицы Екатерины (24 ноября), а также в день памяти святого апостола Андрея Первозванного (30 ноября), который в народе считался покровителем свадеб⁶⁹.

В Тамбовской губ. соблюдали пост в день памяти святой Марии Египетской (1 апреля), прозванной в народе «Марья – пустые щи», потому что из уважения к великой подвижнице считалось грехом есть что-либо в этот день, кроме пустых щей⁷⁰.

В с. Три Озера Казанской губ., как отмечал корреспондент Т.Ф. Иванов, некоторые крестьяне постились целую неделю перед престольными праздниками, день-два после принятия Святых Тайн, перед днем своего ангела-хранителя и в дни памяти по усопшим родственникам. Они соблюдали строгий пост в пятницу перед Троицей, Ильинским днем («Большая Пятница»), перед Успением Божией Матери, в родительские субботы, когда бывало поминование усопших родителей, на Ивана Постного (29 августа) и Воздвижение (14 сентября)⁷¹.

Таинству соборования народ придавал значение очищения от грехов, поэтому некоторые крестьяне Елатомского у. Тамбовской губ. соблюдали пост после соборования, а некоторые жители с. Боль-

шая Елань Казанской губ. переставали есть мясное, считая это грехом⁷². Скорее всего, это было связано с личными обетами, как и «понедельничанье», хотя трудно установить четкую грань между обетами и другими формами воздержания⁷³.

Известно, что обеты часто давали в случае выздоровления от болезни. Так, будучи в Краснинском у. Смоленской губ., корреспондент Тенишевского бюро Е.Т. Доброзраков записал рассказ об одном больном крестьянине, который дал обет, что если совершенно выздоровеет, то отправится поговеть в монастырь. И действительно, когда он совершенно оправился от болезни, то немедленно отправился в Оптину пустынь, где говел и причастился Святых Тайн. Там же он увидел знаменитого Оптинского старца Амвросия и получил от него благословение⁷⁴. В Новоторжевском у. Псковской губ., как отмечал корреспондент Тенишевского бюро А. Триумфов, обычай полного неупотребления всего мясного был распространен очень мало, хотя и встречался у отдельных крестьян в виде «зарока» или обета по случаю выздоровления от тяжелой болезни, избавления от большой опасности и пр. Они давали обет не есть мяса всю жизнь или только на определенный период – от 5 до 15 лет⁷⁵.

Дополнительные посты накладывали на себя добровольно крестьяне не только вследствие болезни, но и просто из духовного усердия – «ради подвига»; постничали преимущественно пожилые женщины, отказываясь от мясной и молочной пищи. Так, в д. Кокшеньга Тотемского у. Вологодской губ. было много жителей, «которые дали слово ради спасения души никогда не есть мяса»⁷⁶. Многие женщины Кадниковского у. иногда не ели мясной пищи в течение какого-то срока – «по причине несчастливых родов»⁷⁷.

В Пошехонском у. Ярославской губ. полное неупотребление в пищу всего мясного считалось подвигом благочестия. А.В. Балов отмечал, что в прежнее время такой пост часто налагали на себя «векоуши» – девушки, которые не выходили замуж и вели почти монашеский образ жизни, а также лица, принявшие таинство еле-

⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 37–40; Д. 1725. Л. 8.; Д. 1879. Л. 12; Глушкин И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // ЭС. СПб., 1862. Вып. 5. С. 74–75.

⁶⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Оп. 2. Д. 2061. Л. 37; Балов А.В. Святой Андрей Первозванный и святая Екатерина в народных верованиях // ЖС. 1899. № 4.

⁷⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Оп. 2. Д. 2061. Л. 11.

⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 467. Л. 30–31.

⁷² Там же. Оп. 2. Д. 2035. Л. 10.

⁷³ Кремлева И.А. Указ. соч. С. 129.

⁷⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1900. Л. 17.

⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1403. Л. 23.

⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 345. Л. 10.

⁷⁷ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 214. Л. 57.

освящения, но в 1890-е годы эта традиция встречалась гораздо реже⁷⁸. А.В. Балов писал, что по народному мнению, человек, принявший таинство елеосвящения или, как говорили, «особоровавшийся маслом», в случае выздоровления должен был вести полумонашескую жизнь: ходить в черном, не есть мяса, не вступать в брак и т.д. Нечаянная или скоропостижная смерть рассматривалась как наказание за грехи⁷⁹. О таком посте писал также И.В. Костоловский в 1913 г., отмечая, что от употребления мяса воздерживались те больные, которые, чувствуя «приближение смерточки», принимали таинство елеосвящения. Нередко случалось и так, что после сорования человек выздоравливал, но тогда он не должен был жениться или выходить замуж, а также есть мясо. Посоровавшийся человек должен был вести трезвую и целомудренную жизнь, удаляясь от всевозможных мирских сблазнов и даже, если это было возможно, был уйти в монастырь⁸⁰. В Инсарском у. Пензенской губ. не только некоторые из благочестивых по-жилых людей, но и некоторые более молодые люди мясное вовсе не употребляли, объясняя, что им оно «не по нутру»⁸¹.

Некоторые верующие с началом Великого поста воздерживались не только от скромной пищи, но и давали обет не употреблять спиртные напитки, причем одни давали зарок не пить вина никогда, а другие обещали не пить до определенного срока или в посты, особенно в Великий пост. В связи с этим в Тотемском у. Вологодской губ. был распространен обычай давать обет «побывать у Соловецких угодников и иногда прожить там год, работая в пользу монастыря». Часто таким образом люди излечивались от порока пьянства, некоторые крестьяне зарекались нюхать табак⁸². Например, несколько жителей Волосовской вол. Каргопольского у. Олонецкой губ., страдавшие недугом пьянства, в 1896 г. договорились не пить в течение Великого поста, а потом воздерживались от спиртного еще полгода. Такой же обет дали более 10 человек в Верхнечурьегском при-

ходе⁸³. Случаи соблюдения обетов наблюдались и на Урале⁸⁴. Говоря о смысле обетов, И.А. Кремлева пишет: «Народ имел свои мощные побудительные причины для духовных стремлений, во многом связанных с общиными основами крестьянской жизни, с давними представлениями о справедливости и, главное, с искренностью и непосредственностью»⁸⁵.

Религиозно-нравственные аспекты поста, несомненно, сказались и в том, как относились в народной среде к несоблюдению поста. Корреспондент Тенишевского бюро, отвечая на пункт Программы «Преступление и наказание», отметил, что среди крестьян грех считался слабее преступления: «Человек и не рад был, а сделал»⁸⁶. А вот «неисполнение поста вообще признается грехом, но в пятницу в особенности. Солдаты, хотя уже и поколебали отчасти это мнение, но вера в Великий пост, Сапожинки, среду и пятницу – остались в силе»⁸⁷. Здесь, вероятно, имелись в виду те, кто уходил на службу в армию, а после возвращения домой не соблюдал постов.

Корреспондент К. Сурнаков, отвечая на тот же пункт Программы, писал, что жители Козельского у. Калужской губ. также отличали преступление от греха, придавая преступлению характер преднамеренности, тогда как грех они считали случайностью или стечением обстоятельств⁸⁸. Корреспондент Л. Гребнев писал, что в Орловском у. Вятской губ. на людей, которые нарушали установленные посты и церковные обряды, работали в праздничные дни, «смотрят неодобрительно, хотя такие нарушения бывают нечасты, преимущественно со стороны молодых, которые иногда нарушают установленные посты, но старики этого не допускают»⁸⁹.

Источники показывают, что русские крестьяне соблюдали посты даже в том случае, когда заболевали, полагаясь во всем на волю Божью. Корреспондент Тенишевского бюро В. Зорина сообщала, что в с. Мокре Жиздринского у. Калужской губ. в 1900 г. крестьяне считали, что для выздо-

⁷⁸ Балов А.В. Очерки Пошехонья // ЭО. 1899. № 1-2. Кн. 40–41. С. 224.

⁷⁹ Балов А.В. Очерки Пошехонья // ЭО. 1898. № 4. Кн. 38. С. 87.

⁸⁰ Костоловский И.В. Из поверьй Ярославского края // ЭО. 1913. № 1-2. Кн. 96-97. С. 248–249.

⁸¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1891. Л. 35.

⁸² Там же. Д. 345. Л. 10.

⁸³ Олонецкие губернские ведомости. 1896. № 31. С. 3; Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 3. С. 69; 1914. № 8. С. 205–206.

⁸⁴ Голикова С.В. Указ. соч. С. 114.

⁸⁵ Кремлева И.А. Указ. соч. С. 153.

⁸⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 529. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Д. 529. Л. 8а.

⁸⁸ Там же. Д. 531. Л. 15, 23.

⁸⁹ Там же. Д. 432. Л. 5–6.

ровления от некоторых болезней нужен был не врач, а молитва и пост⁹⁰. Это видно по тому, что из Козельского у. корреспондент Ф. Лашманов сообщал в 1898 г.: «Посты соблюдаются строго, даже больные отказываются употреблять скромную пищу в постные дни»⁹¹. Священник Ф. Казанский писал, что в Шуйском у. Владимирской губ. «трудно убедить больного крестьянина выпить молока в пост, особенно в Великий и Успенский. Если доктор велит есть скромное все дни, то родные и соседи всегда отговаривают: «Полно, матушка, не ешь, не слушай их (докторов). Что Господь сделает, то и будет!»»⁹².

Часть крестьян соблюдала личные посты в целях защиты домашнего скота от диких зверей. Например, в Кадниковском у. Вологодской губ., когда для летнего выпаса рогатого скота расчищали в лесу специальное место, то не ели ничего скромного в течение трех дней. По народным верованиям, если нарушить эту традицию, то медведь мог задрать скотину. В других местах, чтобы медведи не трогали коров, постились на праздник Воздвиженья⁹³.

3. Общественные посты

В XIX в. общественные посты соблюдались в воспоминание определенного события и нередко были связаны с каким-либо бедствием в прошлом. Так, жители с. Ильинского Ростовского у. Ярославской губ., когда в 1848 г. случилась холера, чтобы избавиться от эпидемии, после трехдневного поста, исповеди и святого причастия отслужили водосвятный молебен перед иконой, и болезнь прекратилась. С тех пор в Спасов день (10 июля) стало традицией совершать крестный ход с иконами⁹⁴.

Общественный пост перед Ильиным днем соблюдали жители Вытегорского у. Олонецкой губ. Учитель земского училища А.И. Сенин в 1899 г. сообщал в Тенишевское бюро, что в с. Исаево старики рассказывали, что давным-давно в селе случился падеж скота, для избавления от которого соблюдали недельный пост, и с тех пор сохраняли эту традицию. Кстати, масло, скопленное в течение этой недели, жертвовали в местный храм⁹⁵.

Помимо постов, установленных церковными предписаниями, в Олонецкой губ. встречалась до-

вольно архаичная форма общественного поста, который соблюдали по случаю поминок. Для такого поминовения назначался день, и вся деревня налагала на себя добровольный пост. За два-три дня до поминок крестьяне собирались у того, у кого была большая изба, и начинали стряпать. Причем готовили только гости, а хозяева выдавали им продукты. Владельцы избы ходили также по всем углам с плачом и причитаниями. В назначенный день общественных поминок накрывали три стола: один — на крыльце дома, другой — в сенях, третий — в горнице. После угощения на крыльце шли в сени, потом в избу, где все усаживались за стол. Обязательным поминальным блюдом был кисель⁹⁶. В конце XIX в. соблюдение подобного общественного поста наблюдал в Лодейнопольском у. Обонежского края в группе деревень, известных под названием Роксы, Г.И. Куликовский, видевший в таком посте пережиток родовой или племенной тризы⁹⁷.

Общественные посты соблюдали и на Урале. О соблюдении такого общественного поста в г. Чердыни Чердынского края есть информация, оставленная во владельческой записи на Псалтири 1797 г., принадлежавшей сначала Е.А. Ламанову (1792–1867): «1862 года мая 14 дня праздновано столетие положенного старицами в пятую воскресенье по Пасхе ходить кругом городу и постовать понедельник»⁹⁸.

Н.А. Миненко приводит довольно редкий случай, связанный с землетрясением, случившимся в Сибири в 1829 г. Его описал очевидец — житель Сузунского завода А. Широков: «В ожидании сего страшного всякой оставлял свои дела и работы и старался посвятить остаток жизни занятиям душепасительным. Женщины заводские и деревенские, все без исключения, спешили каждый день в церковь и там, смиренно преклоняя колена, с искренними слезами возсыпали мольбы свои ко Всевышнему о спасении. Утешительные слова и наставление пастыря были для них единственными отрадою. Молодые девушки постились и, исповедуя грехи свои отцу духовному, изъявляли пламенное желание сподобиться приобщения Святых Тайн, и доблестный служитель церкви не отказывал им»⁹⁹.

⁹⁰ Там же. Д. 487. Л. 1 об.

⁹¹ Там же. Д. 530. Л. 4.

⁹² Там же. Д. 63. Л. 5.

⁹³ Иваницкий Н.А. Указ. соч. С. 38.

⁹⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1807. Л. 2.

⁹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 883. Л. 8.

⁹⁶ Дацков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1842. С. 213.

⁹⁷ Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // ЭО. 1890. № 1. Кн. 4. С. 44–60.

⁹⁸ Тимохова Т.В. К истории церковных библиотек и личных книжных собраний Чердынского края // Православие в русской народной культуре. С. 39–40.

⁹⁹ Широков А. Землетрясение // Маяк. 1844. Т. 17. С. 60–64; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья... С. 172–173.

4. Паломничество по святым местам

Для русского человека издавна стало традиционным отправляться в паломничество для посещения ближних и дальних святынь. Известно, что на богомолье отправлялись представители высшего сословия. Так, паломничество совершили крупный государственный деятель, исследователь русской и зарубежной гравюры Д.А. Ровинский (1824–1895) и знаменитый историк И.Е. Забелин. Вместе они отправлялись в пешие походы по церквям и монастырям Москвы, в известные обители на Угрешу, в Екатерининскую пустынь, в Берлюковскую пустынь, в Саввино-Сторожевский монастырь, в Новый Иерусалим на Истре, в Свято-Троицкий Сергиев монастырь. Нередко в этих странствиях их попутчиками были друзья и близкие. Время их путешествия в 1847 г. в Ростов Великий совпало с Петровым постом¹⁰⁰.

Однако в большей степени паломничество было характерным для простого народа. Идея нравственного совершенства виделась в монашеской жизни, вот почему с началом постов многие крестьяне отправлялись на богомолье для поклонения ближним и дальним святыням. Маршруты богомольцев были достаточно разнообразны. Поводом отправиться на богомолье во время поста было почитание какой-либо святыни, чаще иконы, поэтому к встрече с ней особенно тщательно готовились и потом отправлялись в путь.

Религиозно-нравственная основа поста побуждала крестьян совершать паломничество в ближние и дальние обители для поклонения святыням и в чаяния совета известных духовников, при этом нередко они даже оставались на определенный срок в монастырях с целью оказания посильной помощи. Существенным поводом отправиться на богомолье во время поста было почитание какой-либо чудотворной иконы или мощей; к ней чаще отправлялись в путь пешком.

Среди отечественных обителей Свято-Троицкая Сергиева лавра оставалась главным центром поклонения. Именно туда, в Сергиев Посад, направлялись многочисленные богомольцы, неизврая на сословную принадлежность и возраст. Паломничество было характерно и для крестьян, которых, по сравнению с дворянским и купеческим сословиями, было значительно больше. Паломничество в Свято-Троицкую Сергиеву лавру во

время Великого поста нашло отражение в романе И.С. Шмелева (1873–1950) «Богомолье»¹⁰¹.

Как показали источники, жители Котельнического у. Вятской губ. в дни поста чаще всего отправлялись на богомолье в Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь, включая подростков, из которых чуть ли не каждый проживал на Соловках по году, а вернувшись домой, юноши нередко вступали в брак¹⁰².

Хождение на богомолье жителей Пошехонья Ярославской губ. было связано с даваемыми ими обетами¹⁰³. Крестьяне Новоторжевского у. Псковской губ. на богомолье ходили артелью. С собой они ничего не брали, кроме хлеба, поскольку во время пути всегда постничали. Чаще отправлялись к чудотворной иконе Божией Матери «Знамение» в Новгород, Асташково, Старую Руссу и «все больше по обету»¹⁰⁴.

Архимандрит Спиридон вспоминал, как в детстве он вместе с односельчанином Семеном Самсоновичем в Великий пост ходил к мощам святителя Тихона Задонского, где они исповедовались и причащались Святых Тайн. Этот Семен не раз отправлялся на Святую гору Афон, а в Киево-Печерской лавре был одиннадцать раз: «Были даже и такие случаи в его жизни. Вот кто-нибудь даст ему своего коня с сожой, чтобы он вспахал свою какую-нибудь десятину земли. Видит, что женщины-старушки потянулись на богомолье в Киев, останавливает их, спрашивает, куда они идут, слышит, что они идут в Киев, к отцу Ионе, моментально тут же оставляет чужого коня в поле и без всякой котомки отправляется с ними в Киев. Дивный и редкий был христианин Семен Самсонович!»¹⁰⁵

Корреспондент Тенишевского бюро А. Лебедев, отвечая на пункт Программы «Церковь и религиозное почитание», писал, что крестьяне Калужского у. Калужской губ. тоже часто в пост ходили по святым местам. В пути они посещали, например, Тихонову пустынь, где обретались мощи св. Тихона, Калужского чудотворца. Перед тем как отправиться в путь, односельчане предварительно сговаривались о дате, чтобы успеть попасть ко дню его памяти (15 июня). Таким образом, время их паломничества приходилось на дни Петрова поста. Крестьяне шли туда пешком, за весьма редким исключением ехали. Крестья-

¹⁰⁰ Забелин И.Е. Воспоминания о Д.А. Ровинском. СПб., 1896. С. 16.

¹⁰¹ Шмелев И.С. Богомолье. М., 1998. Т. 5. С. 17.

¹⁰² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 411. Л. 14.

¹⁰³ Балов А.В. Очерки Пошехонья. Верования. С. 123.

¹⁰⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1411. Л. 32.

¹⁰⁵ Спиридон, архим. Из виденного и пережитого. Воспоминания проповедника-миссионера в Сибири. Рига, 1993. С. 15–16.

не того же уезда ходили также «к преподобному Сергию» – в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Отправлялись обычно в начале июня, когда заканчивались наиболее важные сельские работы: «подобрались» – и на богомолье¹⁰⁶.

В Медынском у. Калужской губ. паломничество совершали на «трудовые деньги», давали обеты¹⁰⁷. Жители Мещевского у. Калужской губ. особенно почитали чудотворную Казанскую икону Божией Матери в Юхновском монастыре и ходили туда на «Казанскую» и на «Ивана Постного» (29 августа). К преподобному Тихону Калужскому чаще ходили по обещанию: шли все женщины¹⁰⁸.

Корреспондент Тенишевского бюро П. Каманин писал, что в Меленковском у. Владимирской губ. крестьяне уходили на богомолье летом – до и после полевых работ¹⁰⁹. Как отмечал корреспондент Т.Ф. Иванов, жители с. Три Озера Казанской губ. были очень религиозными, они часто отправлялись на богомолье к ближним и дальним святыням¹¹⁰.

Жители Елатомского у. Тамбовской губ. ходили на богомолье к мощам преп. Серафима Саровского в Темниковский у. в Саровскую пустынь. На Вышу (в Успенскую Вышенскую пустынь Тамбовской губ.) и в Саров ходили преимущественно летом на свои средства. Их расходы были небольшие, так как по пути богомольцам подавали хлеб и воду: «За ночлег не берут, а еще и накормят»¹¹¹.

Один из корреспондентов газеты «Ярославские губернские ведомости» Н. Земский писал в 1852 г., что в г. Ростове собиралось много народа по пятницам Петрова поста, особенно в первую, – для поклонения святым Ростовским чудотворцам: «Богомольцы являются верст из-за 60 и далее от Ростова, и рассыпаются по монастырям внутри соборной ограды и по приходским церквям, в которых почивают мощи святых угодников: Исидора Блаженного и Иоанна Милостивого; они приходят накануне Петрова дня и ночуют в городе... Ныне в Петров день стечения народа простирались более нежели до 8000 человек»¹¹².

В Смоленской губ. множество паломников почти из каждой деревни отправлялись Великим постом в знаменитую Нилову пустынь приложиться к мощам преподобного Нила Столобенского. Число богомольцев, посещающих ее в течение

Великого поста, насчитывало 30 тыс. человек. о богомолье в Нилову пустынь во время Петрова поста писал известный педагог С.А. Рачинский (1833–1902), уроженец Бельского у. Смоленской губ. Он дважды организовывал паломничество с учениками Татевской и других школ. По пути к обители они посещали и другие известные монастыри и храмы¹¹³.

Жители Рязанской губ. в XIX – начале XX в. отправлялись в местные монастыри, например, в Николо-Радовицкий монастырь для поклонения резному образу святителя Николая Мирликийского (9 мая). На первой и второй неделе Великого поста здесь причащалось до тысячи человек, пришедших из разных уголков России. В эту обитель, а также в другой, не менее известный Иоанно-Богословский монастырь в с. Пощупово паломники отправлялись Успенским постом – поговеть и причаститься. Значительное стечение народа было ежегодно 18 июня в с. Зимарово Рыбновского у., где находилась чудотворная Зимаровская икона Божией Матери.

Паломники ходили на поклонение мощам преподобного Серафима Саровского в Саровскую пустынь. Один молодой крестьянин из с. Польное Конобеево Шацкого у. тяжело заболел, но исцелился, отправившись в феврале 1903 г. в пешее путешествие к мощам великого старца. Придя в Саровскую пустынь в Прощеное воскресение, «он прожил целую неделю, говел, причастился Святых Тайн и искупался в цельбоносном источнике преподобного Серафима». Практически все совершившие паломничество старались соблюдать пост и причаститься в Сарове, невзирая на возраст и здоровье. Одна из старушек, не выдержав долгого пути, в слезах стала просить одного из монахов: «Кормилец, слабею совсем, не ела столько ден, а хочется натощак приложиться. Пусти, желанный!» Можно согласиться с Х.В. Поплавской, сделавшей следующий вывод: «Обычай совершать паломническое путешествие в строгом посте или даже не вкушая ничего и так посещать встречающиеся на пути святыни является очень древним. Во всяком случае, он уже существовал в IV веке. И мы видим соблюдение этого обычая в XIX в. в России, у русских крестьян». Немало крестьян

¹⁰⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 497. Л. 24, 26–28.

¹⁰⁷ Там же. Д. 540. Л. 4.

¹⁰⁸ Там же. Д. 548. Л. 39.

¹⁰⁹ Там же. Д. 27. Л. 41–42.

¹¹⁰ Там же. Д. 467. Л. 13, 18, 22.

¹¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 2035. Л. 14.

¹¹² Ярославские губернские ведомости. 1852. № 29. 19 июля. С. 255.

¹¹³ Рачинский С.А. Школьный поход в Нилову пустынь // Литературная учеба. 1993. Кн. 5–6. С. 69.

(чаще вдовы, вдовцы, девицы и холостяки) отправлялось в Киево-Печерскую лавру, по святым местам Востока, в Иерусалим для поклонения Гробу Господню и на Святую гору Афон¹¹⁴.

Корреспондент Тенишевского бюро П. Катонов в 1899 г. писал, что многие крестьяне с. Базарные Дубровки Краснослободского у. Пензенской губ. любили ходить на богомолья в Киев, Чернигов, Воронеж, Саров, Дивеев, Понетаевку и другие монастыри¹¹⁵.

Учитель Исаевского земского училища (Вытегорский у. Олонецкой губ.) А.И. Сенин в 1899 г. сообщал в Тенишевское бюро, что жители с. Исаево во время тяжелой болезни отправлялись в Соловецкий монастырь¹¹⁶.

На Европейском Севере России хождения на богомолье стало устойчивой и повсеместной практикой. Жители с. Белое Боровичского у. Новгородской губ. часто посещали г. Тихвин, где в Успенском Большом монастыре находилась явленная чудотворная Тихвинская икона Божией Матери, Иверский монастырь на Валдае, Иоанно-Предтеченский Леушинский женский монастырь для поклонения Леушинской иконе Божией Матери. Причем ходили чаще всего в Великий пост. Жители Белозерского у. Новгородской губ. в паломничество отправлялись к мощам преподобных Кирилла Новоезерского и Кирилла Белозерского также и по обету – отслужить заказной молебен или поговорить во время Великого поста. Из Устюженского и Тихвинского уездов ходили также во время Великого поста – в Старую пустынью, где поселились первые ее основатели – преподобные Евфросин и Гурий¹¹⁷.

На Урале особенно часто ходили для поклонения явленной «Ныробской» иконе святителя Николая Чудотворца. Явление святыни произошло в 1613–1614 гг. в с. Ныроб Чердынского у. Пермской губ., куда с тех пор устремлялись многочисленные паломники из Вятки, Глазова, Слободского, Кай-городка, Оренбурга, Челябинска, Казани, Вологды, Усть-Сысольска и даже Архангельска. Священник Георгий Попов писал: «Что же касается до Пермской губернии, то и отдаленные уезды,

каковы Оханский, Осинский, Кунгурский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Верхотурский, преимущественно же Соликамский, как ближайший, Чердынский, в котором село Ныроб, ежегодно, во время Великого поста наполняют Ныробскую церковь многочисленными толпами богомольцев. Не все идут сюда..., чтобы только поклониться святыне и отслужить перед иконою молебен; некоторые идут и приезжают и для того вместе, чтобы поговорить, исповедаться и приобщиться тайн. Исповедающихся и в том числе приобщающихся посторонних богомольцев бывает ежегодно в Великий пост до 1200 человек. Полагая это число за пятую часть всех богомольцев, можно определить общее число их в 6000 человек, не включая в то число стечения богомольцев в другие времена, как-то: в дни святителя Николая (6 декабря и 9 мая), в неделю всех святых (заговенье) и в 1-е воскресенье после Петрова дня» (в «собор»)¹¹⁸. Жители юго-западной части Шадринского у. во время Великого поста посещали по обету Верхотурье, где находились мощи святого Симеона Верхотурского, они же летом ходили в Долматовский Успенский монастырь на р. Исеть и Екатеринбургский Тихвинский монастыри. В Восточной Сибири крестьяне чаще отправлялись на поклонение к часовне Ахтырской Богоматери¹¹⁹. Ежегодно 17 марта Великим постом совершался крестный ход с явленной иконой Преображения Господня из с. Верховского в Котельнич¹²⁰.

Много богомольцев посещало Верхотурский Николаевский мужской монастырь, где хранились мощи праведного Симеона Верхотурского, перенесенные туда еще в XVIII в. из с. Меркушина. Поклониться им приходило от 6 до 9 тыс. богомольцев каждый год. Слава о нем распространилась по всему Уралу¹²¹. В биографии схиархимандрита Гавриила (Зырянова) (ум. 1915), родители которого были зажиточные крестьяне Ирбитского у. Пермской губ., есть такой факт: в детстве он нарушил Великий пост и дал обет уйти к праведному Симеону Верхотурскому на богомолье и впоследствии выполнил данное им обещание¹²².

¹¹⁴ Поплавская Х.В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь в Рязанском крае. XIX–XX вв. // Рязанский этнографический вестник / глав. ред. В.В. Коростылев. Рязань, 1998. С. 15, 23, 24, 58, 89, 98, 101.

¹¹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1898. Л. 33–34.

¹¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 883. Л. 5.

¹¹⁷ Хрусталев М.Ю. Хождения на богомолье // Православные традиции на Европейском Севере России в XVIII–XX веках // отв. ред. А.В. Камкин. Вологда, 2007. С. 73–76.

¹¹⁸ Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. С. 193.

¹¹⁹ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения ... С. 100.

¹²⁰ Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С. 123.

¹²¹ Нечаева М. Уральские монастыри // Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1998. С. 81–82.

¹²² Варнава (Беляев), епископ. Тернистым путем к небу. М., 1996. С. 46.

Среди дальних святынь, к которым во время Великого поста чаще всего отправлялись русские люди, были Святая Земля и Палестина¹²³.

5. Примеры подвижнической жизни

Несмотря на то, что в XIX – начале XX в. соблюдение многодневных и однодневных постов среди крестьян было массовым явлением, находились и те, кто своим благочестивым поведением и строгим постничеством выделялся среди окружающих. Некоторые из них в своем воздержании повторяли аскетический опыт подвижников первых веков христианства, остававшийся идеалом для всех желающих достичь высшего нравственного совершенства. Таких крестьян причисляли к подвижникам благочестия и по возможности старались следовать их примеру. Массовое соблюдение постов среди крестьян дает повод рассмотреть отдельно религиозно-нравственные аспекты соблюдения поста и образ жизни выделившихся из народной среды подвижников благочестия.

Как показывают источники, подвижники благочестия в крестьянской среде были практически в каждой губернии Российской империи. Это подтверждают и уже опубликованные описания их жизни. Представить истинный масштаб подвижничества в рамках всей огромной страны можно также, прочитав многочисленные издания жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв. В одном из них справедливо отмечалось, что кроме канонизированных святых «есть у нас особый великий числом свыше не одной тысячи лиц: сонм мужей и жен – отечественных подвижников и подвижниц благочестия, называемых часто “неканонизированными святыми”». Они были выходцами из всех слоев общества, но преимущественно из простого народа¹²⁴. Как отмечает М.М. Громыко, многие искали мудрых старцев и следовали их прозорливым советам¹²⁵.

Подвиги постничества впоследствии стали опорой для следующего поколения подвижников XX в., оказавшихся в условиях преследования верующих¹²⁶.

Строго соблюдали посты «чернички» – так называли некоторых молодых девушек за их мона-

шеский образ жизни. Л.А. Тульцева так пишет о них: «Одним из идеалов русской женщины на протяжении веков было стремление к богомольной жизни, к духовному подвигу во славу Божию и спасению души. Многие из таких женщин встали на путь религиозного подвижничества в миру. В социальной структуре России дооктябрьского периода данная категория женщин занимала свою вполне определенную нишу, которая в XIX в. стала заметным явлением. Фактически это было настоящее динамичное движение, которое условно можно назвать черничеством. Черничество как социальное явление, будучи присуще женщинам разных слоев общества, вобрало в себя громадный мир особого духовного склада православных женщин»¹²⁷. Действительно, «не было такого православного прихода, села, деревни, где бы не встречались женщины-чернички»¹²⁸.

Внутренний мир черничек отличался высокой религиозностью. Чернички строго соблюдали посты, усердно принимали странников и паломников и сами часто ходили на богомолье. В.Н. Бондаренко сообщал о том, что в Кирсановском у. Тамбовской губ. было много черничек, особенно в селах Оржевка, Колаж, Кобяки, Скачиха, Вышенка, Балыkleя, Пересыпкино. Как и в других губерниях, «черничкой», «богомолкой» или «сиделкой» называли девушку, давшую обет безбрачия. Пока жива была мать, она жила в родной семье, а после смерти матери уходила из семьи и поступала к кому-нибудь в услужение¹²⁹.

Чернички жили во многих семьях в с. Токмаково Темниковского у. Тамбовской губ. Это девушки, по каким-либо обстоятельствам не вышедшие замуж – либо по физическим недостаткам, либо бедные сироты. Они одевались в платье, похожее на монашеское, иногда объединяясь по двое-трое, вели совместное хозяйство, лечили местных жителей. Все чернички были грамотными и учили детей писать и читать. Они также читали Псалтирь по умершим, были плакальщицами на похоронах¹³⁰. В Рязанской губ. женщин, читавших Псалтирь по умершим, называли «начетчицами» (с. Дединово Зарайского у.)¹³¹.

¹²³ Дмитриевский А.А. Церковные торжества в дни великих праздников на православном Востоке. С русскими паломниками по Святой Земле и на Афонской горе. СПб., 1909. Ч. 1–2. С. 39, 46–47.

¹²⁴ Неканонизированные святые и вопрос о церковно-народном их почитании // Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. Март. 1997. С. 5.

¹²⁵ Громыко М.М. Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия ... С. 45–56.

¹²⁶ Громыко М.М. Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века.

¹²⁷ Тульцева Л.А. Сельское черничество как путь религиозного служения ... С. 209.

¹²⁸ Там же. С. 211.

¹²⁹ Бондаренко В.Н. Указ. соч. С. 3, 10.

¹³⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2067. Л. 2.

¹³¹ Мендельсон Н. Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии // ЭО. 1899. № 1-2. Кн. 40-41. С. 385–386.

В Пошехонском у. Ярославской губ. девушки, ставшие «черничками», отличались особой наружностью и давали обет безбрачия. Они чаще всего обмывали покойников перед отпеванием. Про старую девицу, за которую уже не сватались женихи, обыкновенно говорили, что она «сбирается обмывать покойников». Эти девушки носили «смирную» одежду, жили отдельным от своих домашних хозяйством, кроме обычных работ, занимались обучением детей грамоте, соборованием умерших, чтением над ними Псалтири и т.д. Женщины эти в различных местах называются «келейницы», «векоуши», «волкуши»¹³².

В Елатомском у. Тамбовской губ. бывали случаи, хотя и редко, что невеста, отказав многим женихам, оставалась девой на всю жизнь. Такие девушки получали звание «чернички» или в «сельские монахини». Некоторые же по разным причинам на всю жизнь оставались девами. В народе их называли «засиделыми», «засиделыми девами», иногда «векоушами». В большинстве случаев такая девушка, выучившись у какой-нибудь старой чернички грамоте, старалась вместе с такой же черничкой построить себе избу и отделиться от семьи. Обычным занятием их было чтение Псалтири по умершим, поминование покойного, вязание чулок, вышивание рубашек, полотенец. Но поскольку спрос на такие работы был небольшим, они прибегали к ним только в самой крайней необходимости: «По внешнему виду и по такому образу жизни они представляют из себя людей смиренных и богобоязненных. Ни один человек, даже маленький, встретившийся с черничкой, не пройдет, не удостоившись поясного поклона»¹³³. В торговом с. Новочиркутино Усманского у. Тамбовской губ. крестьяне учились у «черниц – начетчиц»¹³⁴.

Помимо женщин, подобный образ крестьянина-отшельника был характерен и для одиноких, чаще пожилых мужчин. Х.В. Поплавская приводит сведения о таком подвижнике 60-70 лет, проживавшем в конце XIX в. в с. Пупки Скопинского у. Рязанской губ.: «Жизнь ведет строгую, питается кое-чем, скромного не ест совсем, духом бодр, время проводит исключительно в молитве и чтении священных книг. Подаяния ни у кого не просит, и если ему что дадут, то употребляет на просфоры, свечи и деревянное масло. Много ходит по

святым местам и был у Гроба Господня. Народ его любит и уважает»¹³⁵.

Среди тех, кто совершал подвиги постничества, было немало и рязанских подвижников благочестия. Например, блаженный Феофилакт Михайловский (1779–1841) «такие труды налагал на себя и пост, что по целым дням не кушал и часто с самого утра уходил в болото и собирая там тростник до самой ночи. Возвращался в свою келью поздно, усталый и весь мокрый – труженик был великий»¹³⁶.

В числе почитаемых в народе подвижников встречалось немало тех, кто не был канонизирован, тем не менее люди искали мудрых старцев и следовали их прозорливым советам¹³⁷. Ярким примером такого почитания был Троекуровский затворник Илларион – выходец из семьи зажиточного крестьянина с. Зеньки Раненбургского у. Рязанской губ. С детства в нем проявились кротость, молчаливость и любовь к молитве. Не раз он отправлялся с дедом по святым местам. В возрасте 20 лет он начал странствовать, пока не поселился в пещерах недалеко от с. Головинщина в Воловом овраге: «Смиряя себя молитвенным трудом, он иногда в знойный день на открытой поляне под лучами солнца полагал по три тысячи земных поклонов. Летом и зимою питался он одною редьюкою, которую сам сажал; даже хлеба не ел. Воды вблизи не было, он пил воду дождевую и летом в ожидании дождя иногда дней по десяти оставался без воды». Когда ему исполнилось 50 лет, его взял к себе помещик Раевский из с. Троекурово. К подвижнику шел нескончаемый поток посетителей, многие получали исцеление и помощь. К нему не раз обращался другой известный затворник – Иоанн Сезеновский, а также будущий Оптинский старец Амвросий (Гренков). Илларион скончался 5 ноября 1853 г. в возрасте 90 лет. На его погребение собралось около 10 тыс. народа¹³⁸.

Из крестьян была старица Евфросиния (1787 г.р.), ставшая в тяжелый для России 1812 г. юродивой. Странствуя по святым местам, «пищу всегда употребляла она постную и нередко самую грубую; в пути и за границею питалась сухарями; вина почти вовсе не употребляла и была всегда здорова». В 1820-х годах в с. Тумботино Горбатовского у. Нижегородской губ. проживала блажен-

¹³² Балов А.В. Очерки Пошехонья. 1. Семейные нравы и обычаи: 1) отношение к женщине; брак. 2. Увеселения // ЭО. 1897. № 4. Кн. 35. С. 88.

¹³³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2030. Л. 2–3.

¹³⁴ Там же. Д. 2069. Л. 2.

¹³⁵ Поплавская Х.В. Указ. соч. С. 76–77.

¹³⁶ «Великий человек сей юродивый» // Благовест. Июль 1999 г. № 7–8 (67–68).

¹³⁷ Громыко М.М. Жизнеописания неканонизированных подвижников благочестия... С. 45–56.

¹³⁸ Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. 1994. Ноябрь. С. 71–77.

ная Александра Авдеевна. Вплоть до кончины в 1842 г. она никакой другой пищи не употребляла, кроме сухарей и черного хлеба с водой. При строгом посте в ней проявлялась прозорливость.

Большим постником и молитвенником был иеросхимонах Амфилохий Ростовский (1748–1824) родом из Ростова. Он соблюдал чрезвычайно строгий пост, а в Великий пост не ел по нескольку дней. Его почитали Александр I и императрица Мария Федоровна¹³⁹.

Иеросхимонах Алексий (в миру – Алексей Константинович Шестаков) происходил из крепостных крестьян. После того как его в 1814 г. отпустили на волю, он поступил в число братства Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, потом был переведен на Саввинское подворье в Москве. В 1821 г. он был пострижен в монашество в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Далее он оказался в числе братии Александро-Невской лавры, где в 1823 г. был пострижен в схиму в возрасте 70 лет. В 1825 г. схимника старца посетил в его келье император Александр I перед его отъездом в Таганрог. Схимник Алексий сказал тогда императору: «До великой чумы в Москве (1771 года) нравы были чище, народ набожнее; но после чумы нравы испортились. В 1812 году настало время исправления и набожности; но после войны (французской) нравы еще более испортились. Ты – государь наш и должен бдеть над нравами. Ты – сын Православной Церкви, и должен любить и охранять его. Так хочет Господь Бог наш»¹⁴⁰.

Наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний (в миру – Андрей Гаврилович Медведев, 1792–1877) был из вольноотпущенников графини Е.И. Головкиной, потом учеником аптекаря, что дало ему возможность стать домашним врачом князя Е.А. Грузинского. Но мысли об иноческой жизни побудили его отправиться в 1817 г. в Саров, где он встретил старца Марка. В 1818 г. он вновь отправился туда с намерением вступить в обитель. В то время старец Марк скончался, а преподобный Серафим Саровский до 1820 г. хранил обет молчания. Пробыв в Саровской обители полтора года, юноша возвратился в Арзамас и поступил в Высокогорский монастырь (в 4 верстах от Арзамаса), где в 1822 г. был пострижен с именем Антония. После того как преподобный Серафим разрешил свой обет молчания, он часто пользовался

его советами и наставлениями. В 1831 г. в возрасте он стал наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры. При архимандрите Антонии приезжало много богомольцев в Великий пост, особенно на первой, пятой и Страстной седмицах. Ему принадлежала мысль устроить Гефсиманский скит, который стал разрастаться при содействии саровского игумена Исаии с 1844 г. за счет ревнителей подвижничества, совершивших подвиги поста и молитвы¹⁴¹.

Из крестьян Сольвычегодского у. Вологодской губ. были родители будущего настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Агапангела (в миру – Алексей Иванович Амосов, 1841–1909). Еще в юности у него созрела мысль об иноческом пути, и он отправился в Спасо-Преображенский монастырь на Валаам, где был на послушании с 1861 по 1864 г. потом он вернулся домой, но снова ушел в эту строгую обитель, о которой среди монахов бытовала такая пословица: «Кто суров – тому Саров; кто упрям – тому Валаам, а кто желает духовного опыта – тому Оптина». Пустынник Василиск Туринский был из крестьян Калязинского у. Тверской губ. Он жил вместе с другими подвижниками в разных кельях, сооруженных над озерами недалеко от г. Кузнецка: много раз говя, «он не ел по пяти дней; был смирен, послушлив и благонравен»¹⁴².

Из крестьян Вязниковского у. Владимирской губ. был основатель Пещерной обители и киновии Боголюбивой Богоматери при Гефсиманском скиту близ Свято-Троицкой Сергиевой лавры схимонах Филипп (в миру – Филипп Андреевич Хореев, 1802–1869). Уже будучи женатым, он «стал обнаруживать желание поститься по несколько дней сряду, ходить постоянно без обуви и с открытой головой, спать на земле и камнях и нести другие лишения». А когда покинул родной дом, то предался «посту без границ»: он принимал пищу очень редко – через три, пять, даже через семь дней, кроме этого он возложил на себя тяжелые вериги. После того как он принял подвиг юродства, по благословению митрополита Московского Филарета стал жить в уединенной пещере в лесу, избрав особый подвиг – пещерничество. Позднее к нему примкнули трое его сыновей¹⁴³. Из крепостных крестьян Ефремовского у. Тульской губ. был будущий иеросхимонах Макарий, совершивший с детства

¹³⁹ Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. 1997. Март. С. 211–219, 222–225, 227–229.

¹⁴⁰ Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. 1997. Май. С. 226–229.

¹⁴¹ Там же. С. 48, 54–70.

¹⁴² Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. Ч. 2. 1995. Декабрь. С. 332, 338–341, 421.

¹⁴³ Там же. С. 111–129.

паломнические путешествия по обительям. Впоследствии он стал основателем женской Колычевской общины¹⁴⁴.

В конце XIX в. многие миряне обращались за наставлениями и советами к известным старцам. Одним из них был преподобный Варнава Гефсиманский (в миру – Василий Ильич Меркулов), выходец из крестьян Тульской губ. В 1851 г. юноша поступил под кров Свято-Троицкой Сергиевой лавры, однако вскоре перешел в Гефсиманский скит. Первыми его наставниками стали старцы Иоанн (иеросхимонах Израиль), Гедеон (иеросхимонах Иларион), Алипий (иеросхимонах Александр) и Анатолий (в схиме Алексий), которые отличались строгим постничеством и подражали древним подвижникам¹⁴⁵. Под руководством опытных старцев преподобный Варнава сам стал мудрым наставником, к которому стало стекаться много богохульцев.

Опекая наставниц Нижегородской Иверской обители, старец Варнава напоминал им о спасительных днях поста: «Ныне часто приходится слышать: постов много, зачем они? постная пища вредна и т.п. Не верьте таким и не слушайте их... Великая сила сокрыта в посте, и великие дела совершаются через него. Пост есть ангельская жизнь, содержащий его ангелам уподобляется». В другой раз, поздравляя наставниц монастыря со святой Четыредесятницей, он напутствовал их таким словами: «Подвиги же св. поста суть: покаяние и сокрушение сердечное, которые вместе со смиренiem и послушанием указуют верный путь ко Господу и средство ко спасению»¹⁴⁶. Благодатный старец был запечатлен на страницах романа И.С. Шмелева «Богомолье» (1931), в котором описывалось паломническое путешествие юного писателя со своим наставником Горкиным «к Сергию» – в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Разговление после принятия Святых Тайн стало еще более радостным после благословения старца Варнавы Гефсиманского.

Традицию соблюдения поста продолжил выходец из крестьян Архангельской губ., всеми почитаемый подвижник православной веры – святой праведный Иоанн Кронштадтский. Высоко отзывался о нем его современник – писатель В.В. Розанов: «Личность отца Иоанна Кронштадтского является

одною из самых достопамятных в русской истории XIX века. Вместе со святителем Филаретом, митрополитом Московским, он является вышею точкою нашего церковно-религиозного развития. И оба они стоят около третьего великого старца, Серафима Саровского... Обе эти личности прекрасно дополнялись о. Иоанном Кронштадтским, народным священником, народным старцем, все дни коего протекали среди людской громады, среди шума, молвы и народного стечения, на улице и в частных домах, выразившихся в делах милосердия, помощи и чуда. Иоанну Кронштадтскому дарована была высшая сила христианина – дар помогающей, исцеляющей молитвы, тот дар, о котором глухие легенды дошли до нас из далекого прошлого христианства, и коего Россия XIX века была очевидцем и свидетелем»¹⁴⁷.

В своей священнической практике святой праведный Иоанн Кронштадтский обращался к опыту христиан первых веков, призывал к более частому покаянию и причащению. Почти ежедневно на его службы в Кронштадте приезжали от 200 до 5000 человек, особенно много исповедников было в дни Великого поста. Причем сам подвижник показывал пример строгого воздержания. Известно, что сам «пастырь истины», даже будучи тяжело больным, не соблюдал предписания врачей, советовавших ему поддерживать силы более калорийной, скромной пищей. «В Великом посту, – писал А. Зыбин, – Кронштадт особенно переполняется богомольцами, прибывающими не только из Петербурга и Москвы, но из самых отдаленных окраин матушки Руси: из пределов Сибири, с далекого юга стремятся сюда верующие люди открыть свою душу, сердечно покаяться перед добрым пастырем... Отец Иоанн исповедует... с часу или с двух часов дня.. В течение всего дня он почти ничего не ест, если не считать самого малого количества пищи (два-три соленых грибка и стакан миндального молока)»¹⁴⁸.

Личный опыт великого подвижника нашел отражение в его дневнике «Моя жизнь во Христе». В этой книге великий молитвенник Земли Русской, обобщая личный пастырский опыт, напоминал: «Поститься христианину необходимо для того, чтобы прояснить ум и возбудить и развить чувство, и подвигнуть к благой деятельности волю.

¹⁴⁴ Пётр Нарциссов, прот. Исторические записки по устройению Колычевского Казанского женского монастыря Егорьевского уезда Рязанской губернии. М., 1910. С. 9.

¹⁴⁵ Отечественные подвижники благочестия XVIII и XIX веков. 1997. Март.

¹⁴⁶ Обитель на Выксе и ее устроитель преподобный Варнава / сост. С.А. Кельцев. М., 2001. С. 10, 22, 23, 150–151, 204.

¹⁴⁷ Цит. по: Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. Сборник / сост., подгот. текста и comment. А.Н. Стрижева. М., 1997. С. 6.

¹⁴⁸ Зыбин А. Из книги «Иоанн Ильич Сергиев. Протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора (очерк жизни и деятельности)» // Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С. 246, 247, 252.

Эти три способности мы затмеваем и подавляем более всего объядением, пьянством и заботами житейскими, а через то отпадаем от источника жизни – Бога и ниспадаем в тление и суету, извращая и оскверня в себе образ Божий. Объядение и сластолюбие пригвождают нас к земле и обсекают, так сказать, у души ее крылья. А посмотрите, какой высокий полет был у всех постников и подвижников! Они, как орлы, парили в небесах...»¹⁴⁹.

Авторитет протоиерея Иоанна Кронштадтского среди крестьян был огромен. Показателен такой случай, когда летом 1896 г. жителям Тотемского у. Вологодской губ., страдавшим дизентерией, местный фельдшер посоветовал есть молоко и яйца. Но поскольку шел пост, то все крестьяне решительно отказались это делать. «Святые часто постились, – говорили мужики, – да подолгу жили. А Иисус Христос вон сорок суток ничего не ел». По сообщению корреспондента Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, воздержанию от скромного немало способствовал как раз рассказ о праведном Иоанне Кронштадтском, который пре-небрегал советами докторов. «Ежели Бог век не пересек, так завсегда оживешь, а коли Бог велит умереть, да ничего не поделаешь супротив Бога», – считали крестьян, опираясь на опыт известного подвижника¹⁵⁰. Подобное отношение к посту свидетельствует о высоких нравственных устремлениях русских крестьян, искавших христианские идеалы в жизни Спасителя, святых отцов и отечественных подвижников благочестия.

Вообще же медицинские советы относительно употребления в пост скромного принимались крестьянами во внимание не иначе как с благословения священника. Но в случае, когда разрешение давалось легко, крестьяне теряли уважение к такому священнику, как стоявшему не на высоте церковных требований и способствующему поблажками тому «легкому» отношению к постам, которое свойственно только «избалованным господам». «Нынче, – говорили они, – только нам, мужикам, и попоститься-то, а ученые да благородные посты соблюдать не будут – им без чаю да без говядины и дня не прожить». Показательно, что крестьяне в практике воздержания от скромной пищи достигали более высокого нравственного подвига на фоне отхода от постов других сословий. Это выражалось в их критическом отношении к интеллигенции, а также к людям другой веры.

Замечательный пример святости явила Оптину пустынь – крупный духовный центр России в конце XIX – начале XX в. Из всех русских монастырей она особенно выделялась своими насельниками. В их числе был старец Варсонофий Оптинский (в миру – Павел Иванович Плиханков, 1845–1913) – ученик старца Анатолия (Зерцалова). Люди самых разных сословий стекались к нему за утешением и исцелением. Он оставил большое литературное наследство: проповеди, скитские летописи и другие ценные описания монастыря. После него остались также «Келейные записки», которые были задуманы им как книга житий современных подвижников. Вместе с тем записки содержали много выписок из святоотеческих творений о посте¹⁵¹.

Особое признание среди монашеской братии и в народной среде получил иеросхимонах Амвросий (в миру – Александр Михайлович Гренков, 1812–1891), уроженец Тамбовской губ. С юности он душой устремлялся в монастырь, но не мог решиться на этот шаг. Поддержку он нашел в лице Троекуровского затворника Иллариона, которого посетил летом 1839 г. и от которого получил совет: «Иди в Оптину, ты там нужен». Совет старца помог ему сделать окончательный выбор, и он направился в Оптину пустынь в Калужской губ., где был пострижен в монахи и наречен Амвросием. Здесь он прожил почти 50 лет до отъезда в 1890 г. в Шамординский женский монастырь.

Помимо пастырского служения, иеромонах Амвросий вместе с другими насельниками Оптины пустыни занимался переводами святоотеческих писаний и подготовкой их к изданию. Сам старец Амвросий в своих рассуждениях о посте всегда опирался на святоотеческие предания и напоминал слова преп. Иоанна Лествичника: «Не постихся, не бдех, не на земли лежах, но смирихся, и спасе мя Господь»¹⁵². Смирение, по его словам, является основанием всякой добродетели. Особенно полезно смирение немощным людям.

Преподобный Амвросий Оптинский имел большую строгость не только в соблюдении поста, но и в принятии пищи вообще. Один из оптинских иеромонахов Мельхиседек вспоминал: «Чай пить с хлебом не благословлял. Также советовал всегда ходить в трапезную. Сказываю ему: “Батюшка! Утром мне есть хочется, как быть?” Батюшка отвечает: “Это растленная природа тянет, оставь

¹⁴⁹ Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. С. 85.

¹⁵⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 497. Л. 24, 26–28.

¹⁵¹ Варсонофий (Плиханков), схииархим. Келейные записки 1892–1896 гг. / сост. Р.В. Багдасаров. М., 1991. С. 28.

¹⁵² Иоанн (Маслов), архим. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 1993. С. 100–101.

это, чай пить можно, но без хлеба, и не более как по три чашки, а четвертую можно только по нездоровью". Раз я выпил как-то пять чашек чаю. Объясняю ему это. Старец гневно заметил: "Помни себя!"¹⁵³. Со временем упрочилась слава о его духовной мудрости, и число обращавшихся к нему стало возрастать. Духовное окормление монашествующих и мирян продолжалось вплоть до его кончины в 1891 г. Осталось немало писем старца, которые он посыпал в ответ на просьбы помочь найти решение в той или иной трудной ситуации. Эти письма были собраны его почитателями и опубликованы после его кончины. В них есть немало мудрых наставлений для всех, кто ищет разрешения своих проблем, а также много рекомендаций относительно поста, который он советовал сочетать с усиленной молитвой. Например, обращаясь к одному из своих адресатов, он писал: «Честь имею поздравить вас, проводя св. пятидесятницу, с наступившим св. постом; переменою пищею и воздержанием тела и душа обновляется. Святые отцы, Святым Духом движимые, уставили посты, как для душевной, так и для телесной нашей пользы. Ежели бы без изменения все одну пищу употреблять, скромную и тучную, то она могла бы прискучить, и ожидание праздника непостящимся не приносит такой отрады, как тем, кои приготовляют себя постом, — но не одним телесным, а и духовным. Воздерживаясь от брашен, должны воздерживаться и от страстей. Вы спрашиваете меня: можно ли употреблять рыбу в среду и пятницу, когда случится полиелей¹⁵⁴ святому? Мы должны повиноваться церковному уставу, которым положено употреблять рыбу в среду и пятницу во дни святых, которым бывает бдение, даже и в посты, кроме Великого; даже можно и в те дни, — среды и пятки — употреблять рыбу, когда бывают царские бдения; во дни рождения и тезоименитств особ царской фамилии. А в простые полиелеи, когда не бывает бдения, рыбы не положено. В посты же Петров и Филиппов, до 20 числа декабря, в полиелеи простые употребляется рыба по вторникам и четвергам, а по снисхождению и в понедельники. Вот вам, сколько мог, написал; а в чем будете недоумевать, то в простоте сердца проходя жизнь, Господь силен вас наставить и вразумить ко упокоению совести ваше».

Больному горловой чахоткой, который спрашивал о том, можно ли ему во время поста упо-

треблять скромную пищу, он отвечал так: «Касательно употребления пищи в посты, непозволенной Церковью, я не могу дать вам разрешения настоящего. А когда будете употреблять ону, то принимайте в виде лекарства, от доктора предписанного, а после о сем приносите покаяние пред духовным отцем и получите от него разрешения». Еще одному больному он советовал: «Пишу употребляйте во славу Божию,ющую укреплять ваш телесный состав, положенную уставом Церкви приличествующим временем мясоястий и постов; не слушайте советующих вам противное — удаляться пищи и пития. Мы должны быть, по учению св. отцев, не телоубийцами — но страстоубийцами, то есть, истреблять в себе страсти: гордости и тщеславия, плотских похотей, сребролюбия, гнева, зависти и злопомнения обид близких и проч.; а насаждать в себе: любовь, кротость, смиление, милость, терпение и прочия христианские добродетели, молитвою укрепляемы».

Человека, занимающего высокий пост в обществе, но обуреваемого греховными страстями, он наставлял так: «Пишете, что вы приобщаетесь Св. Тайн через каждые шесть недель. Ежели так благословил вам отец ваш духовный, то продолжайте по его назначению: ежели же вы сами себе так назначили, то советую вам лучше приобщаться Св. Тайн в посты: в Великий — дважды, в Петров и Успенский по одному разу, в Рождественский, смотря по вашим обстоятельствам, раз, можно и дважды. Так приобщаться приличнее, чтобы ваша особенность не бросалась в глаза другим и вы не увлекались бы такою гордостью».

В своих частных наставлениях к мирянам он советовал чаще молиться и поститься, но при этом знать меру поста, особенно начинающим. «Иное дело о подвижнической жизни думать и рассуждать, и иное самою жизнью это испытывать», — писал преподобный Амвросий Оптинский.

Как-то один противник поста сказал батюшке: «Не все ли равно Богу, какая пища?» На это старец ответил: «Не пища имеет значение, а заповедь; Адам изгнан из рая не за объядение, а за вкушение, только за вкушение запрещенного. Почему и теперь в четверг или вторник можно есть, что хочешь, и не наказывается за это, а за среду и пятницу наказывается, потому что через послушание вырабатывается покорность»¹⁵⁵. Но не менее

¹⁵³ Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. (Репринт: М., 1992). Ч. 1. С. 151–152; Ч. 2. С. 3.

¹⁵⁴ Полиелей — одна из составных частей утрени. Во время службы жгут елей, отсюда слово в переводе с греческого означает «многомаслие». Полиелей поется на утренях только воскресных и праздничных дней, перед чтением Евангелия в определенные периоды года.

¹⁵⁵ Собрание писем блаженного памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1862. (Репринт: СПб., 1993). С. 140, 166, 230, 333, 748.

важно, что «в этих великих христианских добродетелях наиболее преуспел сам отец Амвросий»¹⁵⁶.

Кстати, в русской художественной литературе можно обнаружить немало произведений, где говорится о подвижниках из народа. В.А. Никифоров-Волгин, уроженец Калязинского у. Тверской губ., вспоминал, как в его семье готовились к Великому посту и как его проводили. За домашним столом всегда находилось место и для нищих. Один из них старичок Яков рассказывал, что «в монастырях, по правилам святых отцов, на Великий пост положено сухоястие, хлеб да вода... А святой Ерм со своими учениками вкушали пищу единожды в день и только вечером...»¹⁵⁷.

***

Источники показали, что религиозно-нравственные аспекты поста отразились во многих сферах семейной и общественной жизни русских. Регламент брачных отношений отразился, например, на датах браковенчания. По церковному уставу, не венчали во время постов, накануне постных дней, а также накануне воскресного дня и больших церковных праздников. Нарушение поста могло отрицательно сказаться на будущем потомстве, т.е. привести к рождению больных и слабых детей. Угроза рождения нездоровых детей заставляла крестьян временно избегать интимных связей и «пребывать в чистоте».

Духовно-нравственными задачами сопровождалось соблюдение дополнительных постов в понедельник, пятницу и другие дни церковного календаря, которые часть верующих добровольно налагала на себя помимо обязательных постов по уставу Русской Православной Церкви. Мотивация их могла быть различной, чаще всего такие индивидуальные посты соблюдали из духовно-нравственных побуждений, призывая на помочь определенного святого угодника. К категории обетных постов относится соблюдение поста во время тяжелой и продолжительной болезни. Такой индивидуальный пост, как правило, сочетался с определенной молитвенной задачей. Обет

по понедельникам давали матери, чтобы не болели и не умирали вновь рождающиеся дети. Пост по девяти обетным пятницам соблюдался с целью предотвращения засухи, неурожая, падежа скота.

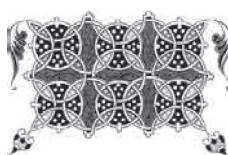
Личные посты в разных их проявлениях и различающиеся по степени строгости существенно дополняют посты, установленные по церковному уставу, в целом их можно рассматривать как проявление благочестивого образа жизни крестьян, полагавшихся во всем на волю Божью.

Не менее важной можно считать традицию соблюдения общественных («нарочитых») постов, хотя их побудительные причины могли быть другими.

В народе сохранялась историческая память об отечественных подвижниках благочестия, оставивших непревзойденные примеры воздержания и аскетического постничества. Духовный опыт выходцев из народной среды, давших всему христианскому миру образцы святости, свидетельствует о высоких нравственных устремлениях русских крестьян, искавших идеалы постнической жизни в жизни Спасителя, святых отцов и подвижников христианства. Это продемонстрировала практика ухода на богомолье в дни поста.

По сравнению с другими сословиями из крестьянской среды выделилось больше подвижников, достигших путем постнических трудов высокой духовности. Они либо продолжали жить в миру, либо оставляли общину и уходили в монастыри. Такое поведение не оставалось незамеченным: общественное мнение выделяло более нравственных и благочестивых людей из окружающей среды. Многие были впоследствии канонизированы, но те, которые не были канонизированы, все равно оставались авторитетами для односельчан, они продолжали традиции русского старчества и врачевали душевные недуги страждущих, устремлявшихся к ним непрерывным потоком.

В целом изучение религиозно-нравственных аспектов поста в прошлом существенно расширяет знания о духовной культуре русского народа.

¹⁵⁶ Иоанн (Маслов), архим. Указ. соч. С. 146.

¹⁵⁷ Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох: Избранное / сост., послесл. и comment. С. Исакова. М., 1992. С. 330–339.